

5, 6), или маловыразительных (например, рис. 17, 3, 4). Ряд рисунков издан почему-то без масштаба, а в тексте размеры вещей не указаны, что делает невозможным выяснение реальной величины вещей (например, рис. 10, 11, 13). Особенно досадно это упущение в отношении интересной группы амфор (стр. 273). Непонятно, в каком смысле при описании Нимфея употребляется термин «цемянка». Как известно, цемянка — это керамическая крошка, которая подмешивалась к известковому раствору для придания ему гидравлических свойств. Иногда такой раствор, с примесью толченой керамики, называют в целом цемянкой, что, строго говоря, неправильно. Но у В. Д. Блаватского (на стр. 282) говорится о «цемянке, смешанной с толченой керамикой», что выглядит совсем странно.

Рассмотренный нами XIX том МИА в целом отличается разнообразием освещенных в нем тем, важностью поднятых в отдельных статьях проблем, обилием нового интересного материала — в том числе и такого, который совсем игнорировался дореволюционной буржуазной археологией (например, местная лепная керамика). Для некоторых работ сборника характерно стремление дать широкое обобщение большого материала, исторически осмыслить его, что весьма показательно именно для советских археологических исследований. Однако существенным недостатком является то, что в ряде статей историческое истолкование археологического материала недостаточно глубоко и методологически верно продумано, что и привело некоторых авторов в ряде случаев к весьма спорным, а порой и неверным заключениям (это особенно сказалось на статьях Г. А. Цветаевой, И. Т. Кругликовой, И. Б. Зеест). Отчеты о новых раскопках в Фанагории надлежало снабдить развернутыми выводами. В дальнейших изданиях подобного рода необходимо стремиться к расширению круга авторов статей. В рецензируемом томе все авторы являются сотрудниками московского сектора античной археологии ИИМК.

Недостаточно тщательная отредактированность тома проявилась в том, что некоторые статьи перегружены сырым справочным материалом («Летопись...» в статье В. Д. Блаватского «Материалы по истории Пантикапея»), а местами вкрались непростительные ляпсусы (такова, например, характеристика Савмака в названной выше работе); очевидно, теми же причинами объясняется крайне упрощенное сопоставление Боспора с «рабскими империями» (в предисловии). Было бы, однако, несправедливо из-за имеющихся в данном томе недостатков отрицать его в общем положительное значение. В нем имеются ценные исследования и публикации совершенно новых материалов, к которым, несомненно, будут обращаться в дальнейшем все занимающиеся изучением истории античного Причерноморья.

В. Ф. Гайдукевич

Т. В. БЛАВАТСКАЯ. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., Изд. АН СССР, 1952, 262 стр., тираж 2500 экз., цена 12 руб.

История западнопонтийских городов до сего времени оставалась малоизученной, прежде всего ввиду скудости имевшихся в распоряжении науки источников по данному вопросу. До нашего времени не дошло ни одного произведения античных историков, в котором содержалось бы хотя бы сколько-нибудь обстоятельное изложение истории этих эллинских городов. Фрагментарность литературных источников, равно как малочисленность и разрозненность археологических и эпиграфических материалов, делают задачу изучения греческих колоний Западного Понта чрезвычайно сложной. Только добытые за последние годы, прежде всего в результате раскопок, организованных правительствами стран народных демократий — Болгарии и Румынии, памятники материальной культуры, эпиграфики и нумизматики значительно расширили круг источников, освещающих историю этих городов.

Автор рецензируемой работы предприняла сложный, в то же время очень важный труд изучения этого материала. Т. В. Блаватская провела большую исследователь-

скую работу по сбору этого разнородного материала, всесторонней его критике и истолкованию. Результатом ее исследования явился первый в русской историографии обобщающий труд по истории греческих городов западного берега Черного моря, в котором прослеживается политическая, социально-экономическая и культурная история этих городов на протяжении всего классического и эллинистического периода.

Книга состоит из пяти больших глав. В первой главе описывается возникновение греческих городов и краткий период их независимого существования. Во второй главе автор говорит о возникновении одрисского царства и вхождении всех западнопонтийских колоний в состав этого царства. Создание фракийского государства рассматривается автором как факт, благоприятствующий процветанию греческих городов. Убедительно показаны их экономический подъем в V — начале IV вв. до н. э. и установление широких связей с греческим миром, в частности с Афинами, а также с городами Северного Причерноморья. В следующей главе, посвященной истории городов от Александра Македонского до конца II в. до н. э., особенно интересен раздел «Западнопонтийские города и Лисимах». Очень убедительно утверждение, что ориентация на мощное в этот период Боспорское царство, сочетавшаяся с политической союзом с местными племенами (стр. 95), позволила грекам Западного Причерноморья вести с Лисимахом упорную борьбу за свою независимость. Характеризуя политическое и экономическое развитие греческих городов в эллинистическую эпоху, автор удачно использовал обширный эпиграфический материал. Четвертая глава «Борьба с римской экспансией» излагает события II—I вв. до н. э. Интересен вывод автора о том, что длительность сопротивления отдельных городов, а также их положение после захвата Римом зависели не только от экономической и политической мощи города, но также и от отношений соседних племен с римлянами. Последняя глава содержит очерк внутреннего устройства западнопонтийских колоний, их культурного и религиозного развития. Особого внимания здесь заслуживают страницы, посвященные монетному делу. На основе эпиграфических данных автору удалось проследить на местном материале явления, характерные для политического развития всех греческих городов в эллинистический период, — повсеместное усиление олигархических элементов наряду с экономическим и политическим упадком демократии.

Хорошо, что история западнопонтийских городов рассматривается Т. В. Блаватской в тесной связи с общегреческой историей классического и эллинистического периодов. Выводы автора по ряду вопросов уточняют и расширяют наши сведения в области общегреческой истории. Таковы, например, страницы, посвященные Афинскому морскому союзу, экспедиции Перикла в Понт, войнам Лисимаха, роли западнопонтийских городов в митридатских войнах, проникновению римлян (Лукулла) в Западное Причерноморье. В книге освещается, с учетом новых материалов, ряд вопросов истории Придунайских областей, как то: вопрос о взаимовлиянии скифской и фракийской культур, о роли гетского нашествия и др. Научный интерес представляет исследование надписей, содержащих указание на рабочую силу. Предложенное Т. В. Блаватской понимание термина ἐργάται как рабов заслуживает самого серьезного внимания. Автор постоянно стремится установить политические и экономические связи Западного Причерноморья с Северным.

Важны части книги, посвященные экономике греческих городов. Автору путем тщательного анализа археологического, эпиграфического и нумизматического материала удалось в основном воссоздать картину хозяйственного состояния городов в каждый из рассматриваемых ею периодов. Большое внимание уделяется рассмотрению торговых связей этих городов с окружающими племенами и с внешним миром. В этом отношении книга Т. В. Блаватской приобретает особое значение, так как, исследуя торговлю отдаленных греческих поселений на Черном море, она дает материал для разработки одной из важных проблем античной истории — проблемы товарного обмена в древности.

Правильно также Т. В. Блаватская подошла к решению одной из сложных проблем истории причерноморских греческих городов — проблеме взаимоотношения эллинистических городов с соседними племенами. Неудача некоторых вышедших за последние

годы работ по истории Причерноморья в античности заключалась в том, что в них мир местных племен характеризовался как нечто единое. Т. В. Блаватской удалось избежать этого недостатка. При рассмотрении каждого периода Т. В. Блаватская, насколько позволяют рамки ее монографии, дает обстоятельную характеристику всех (фракийских или скифских) местных племен, соприкасавшихся с эллинскими колониями. При таком методе изложения удается проследить основные черты социально-экономического и политического развития этих племен, глубже исследовать взаимоотношения греческих городов с ними, установить степень их взаимовлияния; в то же время читателю дается ясное представление о далеком прошлом тех территорий, которые вошли в состав стран народной демократии. В этом отношении значительный интерес представляют такие части работы, как: «Возникновение одрисского царства» (стр. 53—64), «Ослабление царства одрисов. Появление скифов между Дунаем и Гемом» (стр. 77—92) и др.

Стоит остановиться на еще одной стороне рецензируемой работы. В приложении дается публикация надписей из западнопонтийских городов, которые еще ни разу не появлялись в русской печати. Публикации сопровождаются точным и хорошо продуманным, в особенности в области терминологии, русским переводом.

Однако, несмотря на общее положительное мнение о книге в целом, не со всеми положениями Т. В. Блаватской можно согласиться. Прежде всего, автор делит возникшие на западном берегу Черного моря греческие колонии на колонии, основанные как торговые поселения и как земледельческие. На стр. 35 она пишет: «колонии, основанные крупными торговыми центрами VII—VI вв. до н. э.— Милетом и Мегарами,— были сначала преимущественно торговыми поселениями. Это Истрия, Аноллония и Месембрия». Основанные как «торговые фактории — эмпории, только впоследствии ставшие настоящими полисами, ... они сохраняли свой торговый характер и в последующее время... Месембрия была, несомненно, торговым городом и основана она именно как торговый пункт» (стр. 35). Этим городам Т. В. Блаватская противопоставляет города, основанные как земледельческие. «Одесс,— пишет она (стр. 35),— ... был с самого начала земледельческим городом»; «...ясный земледельческий характер имела гераклейская Калатпия» (стр. 36). Этот город Т. В. Блаватская относит к «числу колоний, бывших сначала земледельческими и только позднее развивших торговлю». К этой же категории городов автор относит Томы и Круны-Дионисополь: «Городок (Томы — О. С.) ... долго сохранял свой аграрный характер» (стр. 37). Т. В. Блаватская приходит к заключению, что «основание греческих городов в Западном Причерноморье только в ранний период было обусловлено торговыми интересами..., позднее характер колонизационного движения изменился: вновь основанные города явились земледельческими поселениями» (стр. 37).

Нам представляется, что нет оснований для такого резкого деления основывавшихся городов на торговые и земледельческие. Проводя такое деление, Т. В. Блаватская недостаточно учитывает основную особенность античных городов вообще, ту особенность, на которую неоднократно указывал К. Маркс: города античности были основаны «...на земельной собственности и на земледелии»¹. Это указание следует отнести в равной мере как к городам, появившимся в период возникновения «полисов» в метрополии, так и к городам, основанным уже как колонии. Существеннейшим моментом при основании полиса было создание общины земледельцев (путем ли трансформации ранее существовавших поселений, синойкизма нескольких старых поселков, или оседания на землю новых поселенцев), определение ее земельных владений, установление числа граждан и наделение их землей, а также установление политического строя нового города. Сами греки хорошо различали город, со всеми присущими ему чертами, от торговой фактории, называя первый полисом — *πόλις*, а вторую — факторией, торговым городом — *ἐμπόριον*. Как бы долго ни существовала фактория и какое бы хозяй-

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1. стр. 15.

ственное значение ни имела, — она все же оставалась эмпорием; для превращения ее в город необходимо было создание на ее месте общины землевладельцев.

Хотя в некоторых греческих городах, в различные исторические периоды торговли и ремесло достигли значительного развития, но все же даже и в них важнейшей частью экономики оставалось сельское хозяйство. «История классической древности, — указывает К. Маркс — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»¹. Т. В. Блаватская приводит эту цитату на 34-й странице своей работы, но, как кажется нам, недостаточно учитывает этот тезис К. Маркса в своем изложении.

В отношении западнопонтийских греческих городов, как и в отношении городов Северного Причерноморья, правильнее говорить, что в одних из них с ранних времен значительного развития достигают ремесла и торговля, в то время как в экономике других господствующее место принадлежит сельскому хозяйству.

Очень интересно и обоснованно указание Т. В. Блаватской на попытку Каллатии в III в. объединить вокруг себя соседние с ней полисы. Эта попытка правильно ставится автором в связь с общей тенденцией к созданию союзов в греческом мире. Однако никак нельзя согласиться с датировкой Т. В. Блаватской времени «возобладания в материковой Греции» этой тенденции уже в IV в. до н. э. (стр. 113). Напомним, что, например, наиболее мощный военно-политический союз греческих городов — I-й Афинский морской союз — существовал в V веке., Пелопоннесский союз возник в еще более ранний период.

Приходится усомниться в правильности утверждения Т. В. Блаватской о том, что Истрия во второй половине II в., несмотря на испытанные городом потрясения — нашествие бастарнов, разрушение городских укреплений, бегство жителей, гибель многих из них — сохранила еще значительные средства и что городские финансы были достаточно устойчивы (стр. 156). В подтверждение своего положения Т. В. Блаватская ссылается на надпись в честь истрийца Аристагора². В этой надписи между прочим говорится, что Аристагор был избран «стеностроителем» (τεχνοποιός). Однако это обстоятельство совсем еще не значит, что городские финансы были устойчивы и что город, как полагает Т. В. Блаватская, восстановил стены за счет городской казны. В данном случае было бы целесообразно сопоставить постановление истрийцев в честь Аристагора не только с надписью в честь Протогена из Ольвии, как это делает Т. В. Блаватская, но и с аналогичными надписями из других греческих городов, в частности с надписями из Афин. В большинстве случаев это надписи в честь богатых граждан, подобных Аристагору, оказавших городу какие-либо материальные услуги, пожертвовавших крупные суммы на постройку или ремонт общественных зданий и оборонных сооружений (стен, башен, укрепленных пунктов и т. д.). Для конца III — начала II вв. до н. э. наряду с этими характерны и другие надписи, говорящие о добровольных или добровольно-принудительных приношениях граждан на городское, преимущественно оборонное, строительство. Эти надписи свидетельствуют о том, что общественное и оборонное строительство ведется в городах главным образом за счет пожертвований, что, в свою очередь, говорит о глубоком упадке городских финансов, связанном с общим кризисом греческих полисов. В частности, несомненный интерес в этом плане представило бы сопоставление надписи Аристагора с приводимыми Т. В. Блаватской в другой связи декретом из Каллатии в честь некоего «благодетеля», выстроившего на свои средства военный корабль (прилож., № 29), надписью из Дионисополиса в честь Акориона и т. д.

Слова надписи, что такой богатый гражданин, как Аристагор, «не устранившись ни от физических трудов, ни от чего-либо из того, что входит в строительство», говорят не о благополучии, а о бедственном положении города, стены которого восстанавливались, видимо, путем поголовной трудовой повинности граждан. Появление

¹ К. Маркс, ук. соч., стр. 15.

² Пожертвовавшего значительные суммы в пользу граждан и оказавшего разные услуги городу.

подобных надписей в западнопонтийских городах — свидетельство общего упадка городских финансов, упадка благосостояния большинства граждан этих городов.

Некоторые выводы Т. В. Блаватской о причинах изменения торговых связей западнопонтийских городов в конце II — начале I вв. до н. э. и о сравнительном упадке их внешней торговли представляются нам спорными. Одной из причин упадка торговли с Грецией Т. В. Блаватская считает изменение положения самой Греции. «Превращение Греции в римскую провинцию, — пишет она, — вызвало изменения в экономике и направленности торговых связей Эгейского бассейна... Рим поощрял развитие в Греции лишь тех отраслей торговли, которые были ему необходимы: торговлю предметами искусства и рабами, производившуюся через Афины и Делосский порт. Такое одностороннее развитие греческой торговли повлекло за собой сокращение связей материковой Греции с более отдаленными рынками» (стр. 182).

Эта характеристика кажется нам слишком общей. Экономическая жизнь Греции (кстати сказать, превращенной окончательно в римскую провинцию только в самом конце I в.), в частности главного их центра Афин, в конце II в. и в первом десятилетии I в. резко отличается от их хозяйственного состояния в последующие десятилетия.

Для первого из указанных периодов характеристика Т. В. Блаватской никак не применима. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные (археологические, эпиграфические и нумизматические) говорят о значительном подъеме ремесленного производства и широкой торговле Афин именно в этот период. Ярким свидетельством этого является распространенность в греческом мире афинских монет так называемого «нового стиля». Находки этих монет в Эгейском бассейне весьма многочисленны и доходят до Сирии и Аравии. В самом конце II в. Дельфийская амфиктиония издала постановление об обязательности повсеместного приема серебряных афинских тетрадрахм. Памятники говорят о широких торговых связях Афин, доходивших до Антиохии и Александрии. Предметы вывоза и ввоза Афин очень разнообразны; среди них видное место занимает керамика, а также вино и масло. Не случайно в эти годы афинское народное собрание издало постановление о мерах и весах. Едва ли справедливо утверждение о торговле рабами и предметами искусства в I в. до н. э. через Делос. Это несомненно для II в. и первого десятилетия I в. Следует вспомнить, что позднее Делос страшно пострадал во время первой Митридатовой войны, а затем в 60-х годах был вторично разрушен пиратами и более не возродился.

Зато очень убедительны и достаточно обоснованы другие соображения Т. В. Блаватской о причинах сокращения товарного оборота понтийских городов: небезопасность путей из-за длительных Митридатовых войн, рост пиратства, наступление местных племен и т. д. Очень интересно также предположение о росте местного производства.

При анализе причин упадка понтийской торговли автор недостаточно учитывает общее состояние античного мира в I в. до н. э. Длительные войны на Востоке и Западе, восстание Спартака и гражданские войны привели в упадок всю экономическую жизнь, нарушили товарный обмен и расстроили существовавшие ранее торговые связи. Кризис рабовладельческих отношений, возникший в процессе гражданских войн, охватил не только Рим и Италию, он коснулся всех стран Средиземноморья. В свете этих событий, кажется нам, и следовало бы рассматривать вопрос о торговых отношениях западнопонтийских городов.

В книге дается интересный очерк религиозных представлений западнопонтийских греков. Положение Т. В. Блаватской, что их религия претерпела влияние местных фракийских племен, представляется в общем правильным, однако в некоторых случаях она преувеличивает это влияние. Так, по ее мнению, культ Диоскуров в Истрия был заимствован «из пантеона соседних с городом племен, особо почитавших богов-близнецов». Указав далее на связь Диоскуров с Кабирами Самофракийскими, она пишет: «Как показало обстоятельное исследование Н. И. Новосадского, культ богов Самофракийских — культ Кабиров был заимствован греками из Фракии. Истрийцы восприняли культ этих мистических божеств от окружающих их фракийцев» (стр. 214).

Культ Кабиров представляет собой своеобразное явление греческой религии.

Раньше исследователи объясняли это своеобразие тем, что культ Кабиров заимствован греками от других народов. Одни выводили его из Египта, другие — из Финикии, третьи — из Фригии; Н. И. Новосадский, которому следует Т. В. Блаватская, считал его заимствованным из Фракии. В советской историографии этот важный для истории греческой религии вопрос до сего времени не нашел еще разработки. Объяснение своеобразия этого культа прямым заимствованием его у соседних народов не может удовлетворить советского исследователя, так как это не помогает вскрыть сущность этого культа и в известной степени отрывает этот культ от развития религиозных представлений греков.

Нам представляется, что правильнее искать истоки этого культа не у соседних с греками фракийцев, а в историческом прошлом самих греков. Культ Кабиров — не единственное своеобразное явление в греческой религии. Столь же своеобразным были культ Деметры в Элевсине и т. д. Начало всех этих культов следует искать в первобытных религиозных представлениях племен и народов, обитавших в отдаленную эпоху на территории Греции. В этой связи знаменательно сообщение Геродота (II, 51) о заимствовании культа Кабиров самофракиянами от пеласгов. Основу этих культов составляло почитание хтонических божеств, олицетворявших умирающую и оживающую природу, поклонение богам плодородия. Даже в историческую эпоху среди всех греческих племен, и особенно в сельских местностях, был широко распространен культ богини земли — богини плодородия, почитавшейся под различными названиями и с различными архаическими обрядами.

С образованием классового общества эти древние культы вытеснялись новыми религиозными представлениями; некоторые же из них сохранялись долгое время, но обособились, приняли характер тайного служения, стали сопровождаться мистериями, приняли мистический характер. Заметим кстати, что ни Диоскуры — Кабиры, ни Деметра не вошли в число олимпийских божеств. В классическую эпоху некоторые слои греческого общества начинают обращаться к мистицизму этих своеобразных культов, что и повело к росту популярности культов Диоскуров и Деметры.

Таким образом, положение Т. В. Блаватской о заимствовании культа Диоскуров истрийцами у соседних фракийских племен вряд ли может считаться удовлетворительным. Приводимый самой Т. В. Блаватской фактический материал говорит против ее тезиса. Она указывает, что культ Диоскуров, «как показывают эпиграфические памятники», связан в Истрии «с самыми древними учреждениями города — с филами». Отсюда следует, что культ этот существовал уже с самого раннего периода истории Истрии. Приведенная Т. В. Блаватской надпись (прилож., № 9) из Истрии свидетельствует о прямой связи культа Диоскуров у истрийцев с Самофракией. Вполне справедливо мнение Т. В. Блаватской, что иконография Диоскуров из Истрии создавалась под местным влиянием. Но это следует объяснить тем, что, вероятно, религиозные представления фракийских соседей Истрии, не вышедших еще из стадии первобытно-общинных отношений, были близки по своему существу тому, что составляло древнюю основу культа Диоскуров — Кабиров.

Вызывает возражение примечание Т. В. Блаватской к стр. 88. В этом примечании сказано, что «К. К. Зельин считает принадлежащим Полибию» папирус № 490 в издании «*Catalogue of the Greek and Latin Papyri in the John Rylands Library*». На самом деле, как просил отметить К. Зельин, он никогда не считал Полибия автором этого папируса, написанного в начале III в. до н. э. Вопрос об авторстве Полибия с некоторой долей вероятности может быть поставлен лишь по отношению к папирусу № 491 в том же издании (см. комментарий издателя к этому документу).

Все же, несмотря на отмеченные недостатки рецензируемой книги, работа Т. В. Блаватской, изданная в серии «Причерноморье в античную эпоху» под редакцией В. Н. Дьякова, — одно из наших лучших исследований по истории греческих городов побережья Черного моря.

О. И. Савостьянова